

A woman with long, dark hair is shown in profile, leaning against the trunk of a tree. She is looking upwards and to the right. The scene is set in a snowy forest, with snowflakes falling around her. The lighting is soft and warm, suggesting a winter day. The woman is wearing a light-colored, possibly white or pink, top. The tree trunk is on the left side of the frame, and the background is a bright, snowy landscape.

ЮЛИЯ
КЛИМОВА

**Сезон одиноких
Снегурочек**

Юлия Климова
Сезон одиноких Снегурочек

«Юлия Климова»

2008

Климова Ю. В.

Сезон одиноких Снегурочек / Ю. В. Климова — «Юлия Климова», 2008

ISBN 978-5-699-25311-1

Путешествие в мир бизнеса закончилось для Тани крахом. У нее больше нет любимого ресторана, зато есть долги. Конечно, деньги возвращать нужно – это дело чести. Вот только остался вопрос, а где их взять? Однако на спасение всегда есть шанс, и Таня, надеясь на отсрочку, отправляется к главному кредитору. Но будет ли к ней добр тот, кого она однажды обидела? И не вспомнит ли он о мести, когда узнает, кто ему задолжал?..

ISBN 978-5-699-25311-1

© Климова Ю. В., 2008

© Юлия Климова, 2008

Содержание

За два месяца до основных событий...	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия КЛИМОВА

СЕЗОН ОДИНОКИХ СНЕГУРОЧЕК

*Моим дорогим девчонкам:
Алевтине, Любе, Тане и Кате*

*Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.*

М. Цветаева

За два месяца до основных событий...

Конкуренты наступали на пятки, и мысленно Таня не только вынесла им смертный приговор, но и привела его в исполнение. Ах, как же приятно мечтать о скорой кончине врагов и вдвойне приятно мечтать о своей весомой и яркой победе. Па-па-па-па! Звучит торжественная музыка, и в воздух летят панамы, кепки и шляпы. Кругом суетятся журналисты, кто-то протягивает цветы, водопадом сыплются вопросы и поздравления, звенят бокалы, искрится шампанское, а в дальнем углу, роняя на пол горячие слезы, мнутя завистники. Хорошо! Чудо, как хорошо! Но только это все мечты, мечты, мечты...

Таня подошла к окну, слегка отодвинула полупрозрачную штору, скользнула оценивающим взглядом по роскошной отделке ресторана «Тихое счастье», посмотрела на сверкающие серебром двери кафе «Нежность» и с придыханием произнесла:

– Вот ведь гадюки... Снести бы вас бульдозером к чертовой матери!

Телефон звякнул, чем отвлек от малореальных планов.

– Это я, – выпалила Зойка. – Ну, как там дела?

– У тебя случайно нет бульдозера? – спросила Таня, нервно барабаня пальцами по подоконнику.

– Неужели все так плохо?

– Хуже некуда...

Да уж, за последний год успешная жизнь Семеновой Татьяны изменилась коренным образом. Все перевернулось с ног на голову и возвращаться в прежнее положение не собиралось. На столе горкой лежали неоплаченные счета, а в душе уже начинало поскрипывать отчаяние. Скрип-скрип, скрип-скрип – пора падать духом, пора.

Еще совсем недавно Таня – владелица небольшого ресторанчика «Рыжая осень», расположенного на улице Обручева, – тратила деньги направо и налево, не слишком-то задумываясь о завтрашнем дне. Она баловала себя дорогой одеждой, походами в салоны, отличной едой и многим другим, совершенно не догадываясь о том, что дни сладкой жизни уже сочтены. Тик-так, тик-так – трудились часы, неумолимо приближая черную полосу судьбы...

Все неприятности начались с того, что напротив Таниного в общем-то уютного заведения практически из ничего выросли ресторан с суши-баром, кафе с нагло выглядывающими на улицу витринами (а там чизкейки, свежая выпечка, шоколадные конфеты и прочие вкусности, вызывающие обильное слюноотделение прохожих) и супермаркет, на втором этаже которого разместилась целая куча закусок. На горизонте замаячила катастрофа – желающих провести несколько часов в «Рыжей осени» практически не осталось. Но Таня, несмотря на некоторую безалаберность характера, никогда не складывала руки перед трудностями и даже,

наоборот, в случае приближающихся проблем развивала такую бурную деятельность, что торнадо и шторм могли бы позавидовать ее энтузиазму.

– Я все исправлю, – сказала она, обводя взглядом вышедший из моды и уже надоевший интерьер. – Я все исправлю!

Персонал был отправлен в отпуск, а в ресторане появился дипломированный дизайнер, который добросовестно взялся за дело. За рекордно короткие сроки зал изменился до неузнаваемости. Серо-коричневая гамма была забыта, и на смену ей пришли яркие, сочные краски осени. Оптимизм подскочил до потолка, и в душе вновь поселились уверенность и спокойствие. Вот теперь-то никакие конкуренты не страшны, да кто вообще пойдет к ним есть эти безвкусные суши и заветренные чизкейки?!

Но шапкозакидательские настроения продержались недолго. Помпезное открытие, две недели аншлага и... тишина. Народ желал быстрой еды в закусовых, все те же вошедшие в моду суши и пирожные, манящие из витрин своей импортной красотой...

Все могло быть не так уж и плохо, если бы не один удручающий момент: Таня никогда не страдала накопительством и никаких особых сбережений у нее не имелось. Часть денег на ремонт она взяла в банке в кредит, а часть – в долг у родни и друзей. И эти самые треклятые деньги хочешь не хочешь, а надо возвращать, да еще с процентами! К тому же не все счета были оплачены и расходы продолжали расти с быстрой снежного кома (зарплата: шеф-повару и его помощникам, официантам, бухгалтеру и так далее... продовольственные закупки, плата за свет, воду, аренду и опять же – так далее...).

Яркие краски нового интерьера теперь бесконечно раздражали – впереди замаячила глубокая долговая яма, неприятный запах которой уже щекотал нос. Таня надеялась на лучшее, но, увы, ее бизнес рухнул, и сделал он это с оглушительным треском. Не надо было, не надо было покупать дорогущую драпировку и выбирать по каталогу мебель из последних коллекций – слишком много ушло на это денег. Слишком много. Но хотелось-то все обставить с размахом! Эх! Ух! Чтобы попасть в десятку лучших ресторанов (бред, конечно, но помечтать-то можно), чтобы утопать в хвалебных отзывах, оставленных благодарными посетителями на стильном сайте в Интернете (за сайт, кстати, тоже надо заплатить). И что теперь?..

Таня посмотрела на стопку счетов и вздохнула.

– Ты подожди расстраиваться, – раздался вкрадчивый голос в трубке (Зойка собиралась поддерживать подругу до последней капли надежды). – Может, надо еще один ремонт сделать?

В ответ Таня еще раз шумно вздохнула:

– Какой к черту ремонт... Это конец... Понимаешь? Конец!

Глава 1

Замуж!.. Муж!.. Уж!..

Обложившись пухлыми журналами, Ирина Задольская сидела на мягком ковре и, не торопясь, выбирала свадебное платье. О, ОНА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ! Да, да, – тысячу раз да! – Замуж, замуж... – счастливо пропела Ира и перевернула глянцевою страничку.

Предложение руки и сердца прозвучало три недели назад – легкая музыка, приглушенный свет, официант, ловко открывающий бутылку вина «Шато Бельграв», белая роза в прозрачной вазе на краю стола, фотографии с видами Парижа на узких полках и столь долгожданные слова... Как же все хорошо, как же все прекрасно, наконец-то случилось именно то, чего она желала долгие месяцы, и наконец-то появилась возможность утереть нос всем своим подружкам и знакомым.

С раннего детства Ирочка Задольская мечтала о славе и успешности. Ей до слез хотелось быть первой – во всем и всегда, и она очень расстраивалась, если кто-то вырывался вперед, а ей приходилось довольствоваться следующими цифрами. К ее радости, такое случалось редко.

Ирочка росла в обеспеченной семье и была обожаема не только родителями, но и бабушками, дедушками и няньками. Стоило ткнуть пальчиком в красивое платье или игрушку – и подарки в разноцветных упаковках тут же сыпались к ее ногам.

В одиннадцатом классе Ира приняла важное для себя решение – она станет актрисой. Талант у нее точно есть (какие могут быть сомнения!), внешностью не обижена (зеленоглазые блондинки с фигурой фотомодели на дороге не валяются), а у родителей есть деньги (что может немножко поспособствовать поступлению в соответствующее учебное заведение). Все просто отлично!

И родители поспособствовали, и Ира на первой встрече с одноклассниками произвела фурор. Будущая звезда! Еще немного – и на обложках журналов засверкают ее лучезарные улыбки! Везет же некоторым... О-о-о, наблюдать зависть Ирочки очень любила! Замечая острые вспышки этого чувства в глазах бывших одноклассниц, она внутренне сияла и потирала ручки. Завидуйте, завидуйте – много и часто, и пусть так будет всегда!

За время учебы Ире не предложили ни одной роли ни в одном захудалом сериале, и, получив диплом, она с трудом устроилась в один из московских театров, где, в общем-то, была своя жизнь и свои давно выращенные звезды. Родители уже ничем помочь не могли, и наверх пришлось пробиваться самостоятельно.

Видимо, некоторый сценический талант у Ирины присутствовал, потому что до ролей второго плана она честно дотянула – старалась изо всех сил, надеясь увидеть в глазах подруг все ту же, ценимую ею на вес золота, зависть. Но дальше-то – стоп. Как ни заламывай руки, как ни зубри диалоги, а первые роли достаются другим: либо тем, у кого в груди пылает костер таланта, либо тем, у кого есть за спиной муж-режиссер или друг с толстым кошельком. А бывшие одноклассники и новые подружки приходят на спектакли и уже задают неприятные вопросы: а почему ты не снимаешься в кино, а когда тебе дадут главную роль, и так далее. Обидно и противно! И еще: очень хочется изменить ситуацию и опять оказаться в центре внимания – утереть всем нос и взлететь на гребень волны.

Последняя встреча одноклассников вообще озадачила и расстроила. Даже серенькие троечники и троечницы вдруг расправили плечи и эдак непринужденно продемонстрировали свои успехи. Многие, конечно, так и остались на уровне рядовых сотрудников фирм, но добрая половина класса могла похвастаться дорогими иномарками и высокими должностями. Само собой, им было еще далеко до Ирочки (слава ценится высоко), но чужие перспективы можно было уже не только увидеть, но и пощупать. «БМВ», «Фольксваген», «Вольво»... видные и

богатые мужья «подруг»! Сидят рядом со своими законными супругами, смотрят на них с гордостью (!), улыбаются голливудскими улыбками и, по сути, тоже являются определенным знаком качества. А у Иры такого знака нет и пока не предвидится...

Нет, проблем с поклонниками не было – мужчины по достоинству оценивали внешность начинающей актрисы и охотно заваливали ее цветами и мелкими подарками. Но отношения всегда были временными и какими-то... бесполезными. Женатые актеры, женатые бизнесмены, женатые журналисты, женатые фотографы... Конечно, были и холостые – но все не то, все не то.

Собственно, по этому поводу Ира не очень переживала (надо карьеру делать, а не глупостями заниматься), но после встречи с одноклассниками на душу навалилась такая тоска, что впору завывать.

Хорошенько проанализировав свое поведение, она пришла к выводу, что во многом виновата сама – была легкомысленна, холодна и совершенно не пользовалась испытанными женскими уловками (они же есть... эти уловки?). А раз она проделала работу над ошибками, то еще не все потеряно и на следующую встречу вполне можно прийти не с пустыми руками... ну, уж сногшибательного-то мужа она себе найдет – обязательно найдет! И, кстати, получать любовь большими порциями, по-настоящему, по-взрослому – это очень даже неплохо. И любить самой тоже можно. Но получать все же лучше. Или любить? Или получать? Сложно выбрать, очень сложно...

Первый раз Павла Сергеевича Баркова она встретила на «посиделках», организованных по случаю премьерного спектакля. На этот раз были приглашены не только артисты-драматурги-костюмеры, но и друзья режиссера и продюсера. Народу в ресторан набилось прилично, а закусок и горячего заказали не так уж и много. Зато спиртное лилось рекой.

Уже через полчаса Ира, презрительно поглядывая в сторону разбушевавшихся служителей Мельпомены, скучала неподалеку от барной стойки на мягком плюшевом диване. Наблюдать за «этими дураками» временами было даже забавно, но все же хотелось как можно скорее смотреться домой. Больше трех бокалов вина она никогда не пила (начала кружиться голова, срывало тормоза и несло непонятно куда и непонятно зачем), и к тому же сегодняшняя роль вымотала практически до потери пульса, так что делать на этом празднике жизни ей было нечего. Одно слово – тоска!

Единственный интерес представляли гости (только ради них и стоило задержаться) – вдруг заметят и пригласят на пробы. Но друзья сильных мира сего, похоже, не имели ничего общего ни с кино, ни с телевидением – это огорчало.

Досидев до «живой» музыки, когда на сцене появилась голосистая молоденькая певичка в ярко-розовом платье, Ира встала и направилась к двери. Но дорогу преградил высокий, крепко сложенный мужчина. Цепкий взгляд темных глаз, широкий подбородок, легкая небритость, редкая, но все же заметная седина на висках... Выдав стандартный комплимент «вы прекрасно играли», он коротко спросил: «А могу ли я вас подвезти?»

Ирочка разозлилась. И так настроение на уровне плинтуса, а тут еще непонятно кто лезет «со своей долбаной тачкой». Можно подумать, она не многообещающая актриса, а девочка из массовки. Напьются, осмелеют и прут как танки! Она нахмурилась, смерила незнакомца презрительным взглядом и прошла мимо. И только усаживаясь в жесткое кресло такси, Ира осознала, что от «нахала» не пахло спиртным, да и производил он впечатление серьезного человека и совершенно не был похож на пустозвона, привыкшего коротать свободное время с моделями и актрисулями.

По дороге домой она непрерывно вспоминала его лицо и ужасно на себя злилась за раздражительность и поспешность. Он был хорош, чертовски хорош и так на нее смотрел...

Утром за чашкой кофе Ирочке пришлось признать, что она, похоже, влюбилась в мужчину, имени которого даже не знает. Сердце подсказывало – это он, тот самый, и надо его

«братъ», пока плохо лежит. В том, что он лежал плохо, она не сомневалась – привычка отмечать, есть ли на пальце мужчины обручальное кольцо, появилась у нее еще лет пять назад. Конечно, он мог и не носить кольца, но интуиция упорно твердила: свободен, свободен, свободен...

Через две недели незнакомец объявился в первом ряду партера. Ирочка возликовала – это судьба!

После спектакля он поднялся на сцену и преподнес ей букет роз (крупные густо-бордовые, еще не распустившиеся). Она вдохнула сладкий запах цветов и пряно-терпкий аромат его парфюма и всем своим видом ответила: спасибо, мне очень приятно, рада знакомству. То есть сказала она только одно породистое «благодарю», но прикрепила к этому слову такую улыбку, что ее поклонник (конечно же, он ее поклонник!) задержался после спектакля и вместе со своим другом режиссером заявился в гримерку. О чем еще мечтать?

– Барков Павел Сергеевич, – представился он, склонив голову.

Ира почувствовала озноб, глупо ойкнула и не менее глупо хихикнула. Впоследствии эту реакцию она частенько объясняла одним и тем же: «Я поняла, что ты именно тот мужчина, которого я искала всю свою жизнь». И в тот момент процентов на пятьдесят она так и думала. Остальные пятьдесят были заняты кое-чем другим... он друг режиссера, а значит... а значит, впереди ее ждет ГЛАВНАЯ РОЛЬ!

И вот – полгода пролетели, и на безымянном пальце правой руки поблескивает кольцо с бриллиантом. ОНА СКАЗАЛА «ДА». Она сказала «да», и теперь на горизонте маячат приятные хлопоты, пышная свадьба и (о наконец-то!) очередная порция зависти со стороны бывших одноклассников. Как все удачно, как все вовремя...

* * *

– Лампу-то хоть себе оставь, – сердито сказала Зойка, тыкая пальцем в ажурный светильник. – Поставишь на тумбочку в спальне и будешь вспоминать старые добрые времена.

– А вот это ни к чему, – сердито буркнула Таня, упаковывая в коробку свои личные вещи: блокнот, широкую кружку с размытым рисунком, подставку для мобильного телефона, книжку с рецептами (спасибо шеф-повару за уроки занудной стряпни), настольные часы с маятником, счастливую ручку... – Лампу отправлю на аукцион вместе с тремя картинами и панно из мозаики, я уже обо всем договорилась.

Она закрыла коробку и с тоской оглядела свой кабинет. Пусто и голо. Почти все, за что можно было выручить деньги, уже пристроено, и обратной дороги нет.

– Не расстраивайся, – махнула рукой Зойка, пытаясь хоть как-то утешить подругу, – надо без сожалений расставаться с тем, что досталось легко. Двадцать девять лет – это не возраст, ты еще столько денег заработаешь, таких высот достигнешь! О-го-го! – Зойка потрясла над головой кулачком, наглядно демонстрируя веру в лучшую подругу. – А завтра, между прочим, встреча одноклассников, надеюсь, ты не забыла? Выпьем, отвлечемся, посплетничаем...

Ресторан Тане действительно достался легко, и случилось это так быстро и в то же время естественно, что она практически сразу почувствовала себя полноправной хозяйкой уютной «Рыжей осени».

Таня только-только окончила Институт управления, как Семенов Эдуард Петрович – ее дядя – влюбился в американку, бросил все дела, распродал имущество и улетел вместе со своей «маленькой дорогушей» в далекие Штаты, где женился и закрутил новый бизнес. Перед отъездом он сделал своей единственной и горячо любимой племяннице щедрый подарок – протянул ключи от ресторана со словами: «Владей, Танюха, это твое по праву».

Ресторан был небольшой, но приносил хороший доход. Постоянные клиенты, дружный коллектив, пленительные ароматы, летящие из кухни, и неплохие шансы на будущее. Эдуард

Петрович всегда говорил, что ему нужна такая помощница, как Таня, и кто знает, может, когда-нибудь он передаст в ее руки бразды правления. И такой день наступил.

В свое время, окрыленная перспективами, Таня усиленно грызла гранит науки и охотно помогала дяде «по хозяйству» – перенимала опыт и приобретала уверенность в себе. Так что к штурвалу она встала не желторотым цыпленком, а сформировавшейся личностью, имеющей багаж знаний и два года отличной практики. И если бы не ее привычка жить на широкую ногу и несколько наплевательское отношение к завтрашнему дню, все могло бы закончиться иначе.

– Да ну... куда я не пойду, – резко ответила Таня, закрывая картонную коробку. – Нет настроения, да и дел полно. Мне еще со счетами надо разобраться.

– Ты это из-за ресторана? Перестань, мы никому ничего не скажем, а к следующей встрече, которая случится только через пару лет, подготовимся получше... И вообще, что за глупости козырять погонями и трясти своим барахлом по принципу «посмотрите, люди добрые, я круче, чем Маша и Глаша»? Бери пример с меня! Работаю себе и работаю – там, где мне хочется, – и ни на кого не оглядываюсь. Почему я должна дышать пылью в каком-нибудь офисе-муравейнике, наступать на пятки менее расторопным сослуживцам и умашивать разжиревшего от праздной жизни начальника, и все исключительно ради того, чтобы занять якобы достойное место под солнцем? А мне мое очень даже нравится!

Зоя Егоровна Карпушина после школы махнула рукой на высшее образование и напрямую отправилась в цирковое училище, благо с детства занималась хореографией. Окончив его с отличием, значительно улучшив гибкость тела, освоив жонглирование и усугубив склонность к артистизму, она устроилась на работу в фирму «Ваш друг – массовик-затейник» и по прошествии нескольких лет стала посещать платные театральные курсы при класс-студии. В душе Зоя мечтала стать актрисой, но никому об этом не рассказывала – только Тане. В прошлом году она с треском провалилась на вступительных экзаменах в театральном и теперь готовилась к штурму на следующий год.

– Не в этом дело, – Таня сморщила прямой носик, – какая мне разница, кто что думает, я давно избавилась от детских комплексов. Я же тебе говорю: у меня сейчас куча дел и к тому же я очень устала. Хочу как можно скорее расстаться с долгами и на оставшиеся деньги купить путевку в подмосковный дом отдыха. Поплаваю недельку в бассейне, покатаюсь на лыжах, если повезет со снегом, потом вернусь, отпраздную Новый год и после зимних праздников займусь поиском работы. Опыт у меня приличный, так что руководящая должность мне обеспечена.

– Неплохой план, – одобрила Зойка, игнорируя невольное сомнение. – Но отвлечешься тебе все же необходимо.

Глава 2

«Наших бьют!»

Только к первым встречам с одноклассниками Таня готовилась уж слишком старательно. Месяца за два начинала бегать по магазинам и присматривать достойный наряд, отправлялась в солярий и как-то даже нарастила ногти – очень хотелось выглядеть «на уровне». Но в один прекрасный день (дядя как раз сделал царский подарок в виде ресторана) вся эта суэта показалась лишней. Таня точно перешагнула некую черту и оказалась в другом мире – в мире самодостаточности. Она посмотрела на себя в зеркало и не нашла в своей внешности изъянов, к которым раньше могла бы придирааться часами. В голове завертелись только приятные сердцу прилагательные: «интересная», «стильная», «яркая». Таня и красивой бы себя назвала, но такое определение ей никогда не нравилось – было в нем нечто холодное и неживое.

В шкафах теперь висела одновременно удобная, дорогая и модная одежда, в ежедневнике на каждой страничке понедельника значилось одно и то же: «Салон – 18.00». В любой момент ее можно было выдернуть из круговорота событий и отправить куда угодно – будь то рекламная выставка, посиделки с Зойкой или ужин с президентом (жаль, что он никогда не приглашал), и везде бы она выглядела достойно. К очередной встрече с одноклассниками Таня отнеслась привычно равнодушно. Отодвинула зеркальную дверцу шкафа, достала два платья: короткое серое и удлиненное густо-коричневое, пять секунд поразмышляла и остановила свой выбор на первом – более любимом. В душе плескалась тоска, а одна мысль, что надо идти в ресторан, вызвала затяжной приступ раздражения. Хотелось немедленно сорвать на ком-нибудь злость, но кандидатур для этого под рукой не было...

Ресторан... Сегодня вечером ей придется поужинать в ЧУЖОМ ресторане, а ее «Рыжей осени» больше не существует! Все конкуренты – сволочи! И в этом не может быть никаких сомнений!

– Плевать, – подбодрила себя Таня, натягивая шелковистые колготки. До Нового года осталось меньше месяца, а потом... а потом начнется другая жизнь, и все это покажется ерундой. Ну, была она владелицей маленького ресторана, ну и что, а теперь будет управляющей чего-нибудь более шикарного и огромного. – Буду, обязательно буду, – добавила она вслух, застегивая «молнию» платья.

К четырем часам на пороге появилась Зойка. Несмотря на ее вчерашнее заявление: «И вообще, что за глупости козырять погонями и трясти своим барахлом», она была не просто разодета в пух и перья, но и еще отливала перламутром. Создавалось впечатление, будто она перепутала пудру и тени.

На лице сияла улыбка, голубые глаза светились абсолютным счастьем, а высоко затянутый хвост кокетливо клонился набок. Распахнув симпатичный искусственный полубок, она фривольно выставила правую ногу вперед и не без удовольствия спросила:

– Ну, как я? Супер, правда?

– Без комментариев, – улыбнулась Таня.

– Знаю-знаю – подобное не в твоём вкусе, но вечеринку с одноклассниками можно приравнять к шоу на арене цирка, так что я очень даже соответствую. – Она дернула плечиком и добавила: – Пожрем хоть в свое удовольствие.

– Это да, – ответила Таня, мысленно перебирая меню «Рыжей осени». Проклятые конкуренты!

К началу мероприятия они опоздали. Маргарита Рябова, бывшая староста класса, уже успела напиться и беззастенчиво висла на плече Андрея Самохина, которого в старые добрые

времена отчитывала около доски за двойки (еще она ябедничала учителям, но кто же будет вспоминать о грустном в такой день...).

– Чуть самое интересное не пропустили, – проворчала Зойка, приветственно махая рукой. – Я же говорила: доберемся на метро, так нет же – «закажем такси и поедем как белые люди», – передразнила она Таню и, увидев на столе обожаемую слабосоленую семгу, тут же крикнула: – Рыбу передайте сюда! Немедленно передайте сюда рыбу!

– Да ты хоть сядь сначала, – потянула ее за юбку Лидочка Апраксина – мать троих детей и свободная от условностей художница.

– Кто же знал, что на мосту будет пробка, – совершенно не чувствуя себя виноватой, ответила Таня. Вот только еще на метро не хватало ездить... хотя ведь машины теперь у нее тоже нет – продана ради возвращения кредита в банк.

Зойка села, мило всем улыбнулась и набросилась на салаты и закуску. Ее щуплый организм мог поглотить немыслимое количество пищи, не испортив ладненькую фигурку даже на сантиметр. За это Зойка была ему безмерно благодарна и при случае баловала как могла.

– Отстала бы Ритка от Самохина, – заботливо сказала она, жуя укроп. – Он уже на стену лезет от ее трепетных ручек.

– Не отстанет, – со знанием дела покачала головой Лидочка Апраксина. – Ее муж бросил. Собрал вещи и сказал приблизительно следующее: «Больше не могу жить с занудой, осточертело складывать носки ровной стопочкой, нет сил чесаться и сморкаться только в специально отведенном для этого в квартире месте и осатанел от того, что надо покупать только один полупрозрачный кружочек колбасы, нести его домой и на семейном совете, после дегустации, решать – будем мы это есть или оставим на завтра». И ушел. Ритка пересмотрела свое поведение и теперь активно старается вылезти из образа зануды.

– А мне кажется, она просто сбрендил, – тяжело вздохнула Зойка, отправляя в рот изрядный ломоть семги. – И случилось это очень давно, еще в третьем классе, когда ей дали грамоту за лучшее недельное дежурство по этажу. Вот у нее головокружение от успехов и случилось. Перешло в хроническую форму. Не все, знаете ли, выдерживают испытания славой.

Таня в разговор не вмешивалась. Наложив на тарелку закусок, она с проснувшимся интересом оглядывала присутствующих. Пришли не все – приблизительно две трети класса, но все равно за столом было шумно и весело. Расслабившись, она с удовольствием выпила два бокала шампанского и, почувствовав приятное волнение, стала постукивать носком сапога в такт летевшей с потолка музыки.

– Ну а как поживает наша звезда? – ехидно спросила Зойка, бесцеремонно тыкая вилкой в сторону сидящей поодаль Ирочки Задольской. – До главных ролей дотянула?

– Дотянула, – выдала очередную порцию информации Апраксина. – Вроде и премьеры скоро. Видишь – светится от гордости, как армейская пряжка.

– Ну и сравнения у тебя, – усмехнулась Таня.

– Честно говоря, терпеть ее не могу.

– Да кто ж ее любит! – переключаясь на спиртное, слишком уж громко поддержала Зойка. – Ее же ничего не интересует, кроме собственной персоны. И вообще: два года назад, на прошлой встрече, она мне сказала, будто я похожа на рыбу. Ну не дура, а? Да у меня глаза голубые, и блондинка я натуральная, а не как она – крашенная.

Внешность Карпушиной Зои не была яркой и запоминающейся, проходящие мимо мужчины не оглядывались вслед и не думали про себя «ах мне бы такую», но была в ней некая черносливинка (не изюминка, а именно черносливинка), которая покоряла раз и навсегда. Зойка четко делила окружающих на своих и чужих, и вот как раз первые не чаяли в ней души и прибили бы любого, кто посмел бы ее обидеть. И Зойка, в свою очередь, тоже не задумываясь бросалась на врага, не разбираясь, кто прав, а кто виноват.

Доброты и любви в ней было недостаточно – но только эти дары доставались не всем.

– Дура, – охотно подтвердила Таня и усмехнулась, накалывая вилкой блестящую оливку. И она делила окружающих по тому же принципу, и обидчик Зойки автоматически становился и ее обидчиком.

– Ну, сегодня-то она скромна и тиха, – загадочно улыбнулась Лидочка. – Как будто подменили девушку. А все почему?

– Неужели замуж выходит? – Зойка даже перестала жевать, так и замерла с листиком салата в руке.

– Точно! Видишь, рядом с ней мужик сидит в черном костюме?

– Ага.

– Жених ее, расписываются после Рождества. – Лида многозначительно подняла бровь, как бы говоря: «Вот так вот – видного парня отхватила».

Зойка тяжело вздохнула и впиалась жадным взглядом в суженого ненавистной Задольской. Сколько ему лет? Тридцать семь... тридцать восемь? Темные волосы и темные глаза, улыбка, которая делает его еще более притягательным, волевой подбородок... Костюмчик, галстучек, золотые часы на левой руке. Черт! Как же обидно, что Ирке так повезло, и где она отхватила такого?!

– Нормальный, – равнодушно сказала Таня. Мужчины сейчас интересовали ее мало – в душе хозяйничали грусть и злость. Скользя взглядом по интерьеру ресторана, она вспоминала лампы, картины и панно, отправленные утром на аукцион, и злилась, злилась, злилась...

– А он кто? – поинтересовалась Зойка. – Тоже какой-нибудь актеришка? Что-то не знаю такого.

– Подробности мне неведомы, но вроде – крутой бизнесмен. На прошлой неделе подарил Ирке клевую тачку, странно, что я забыла, как она называется – наша великая актриса упоминала об этом раз двадцать. Приехала, чуть ли не первая, и жу-жу-жу, жу-жу-жу. – Лидочка Апраксина закатила глаза и поморщилась, затем слопала блестящую полоску сельди, подперла щеку кулаком и счастливо выдохнула: – Ой, девочки, как же я по вас соскучилась. Сижу со своими отпрысками в четырех стенах, тружусь над заказами и света белого не вижу. Думала, уж сплетничать разучилась, а оказывается – нет! Есть еще порох в пороховницах!

На этой теплой ноте они подняли бокалы, чокнулись и выпили залпом розовое полусладкое вино.

– Хорошо, – выдохнула Зойка.

– Ага, – подтвердила Лидочка.

– Вполне, – кивнула Таня.

Вечер набирал обороты: через полчаса начались танцы, через час принесли горячее, а еще через полчаса Зойку потянуло на подвиги. Ирочка Задольская своим самодовольным видом никак не давала ей покоя, и к тому же простить ее за позапрошлогодние обиды было практически невозможно.

– Приглашу-ка я ее жениха на танец, – сказала Зойка, щурясь. – Имею право или нет?

– Имеешь, – охотно благословила Таня. Она и сама была не прочь немного покуролесить и заодно выплеснуть на кого-нибудь скопившуюся досаду и злость.

– Только сильно к нему не прижимайся, – заплетающимся языком посоветовала Лидочка, – вон она как на Рябову смотрит, а та только зажигалку у него стрельнула.

– Хе-хе... – многообещающе ответила Зоя.

Выпив «на дорожку» еще вина, откинув со лба светлую челку, она вздернула нос и решительно встала из-за стола. Мысленно проложив самую короткую дорожку до желаемого объекта, она двинулась вперед, с трудом сохраняя равновесие.

– Попался, голубчик, – пробубнила она, плотоядно улыбаясь.

«Голубчик» в это время вешал пиджак на спинку стула. Повернувшись к невесте, он поинтересовался, не хочет ли она шампанского. Ирина хотела. Еще как хотела! Пусть, пусть все смотрят, какой Павел заботливый и внимательный, как он ее любит и как...

– Позвольте пригласить вас на три танца подряд, – выпалила Зоя, вытягиваясь в струну, точно она стояла перед генералом и докладывала о ЧП. Непонятно, что ее заставило щелкнуть каблучками и встать по стойке «смирно» (возможно, тут сыграли роль уроки клоунады, по которым она всегда получала самый высокий балл), но только сделала она это так вдохновенно и четко, что Ирочка Задольская на мгновение потеряла дар речи.

– Сразу на три? – уточнил жених, сдерживая улыбку.

– Ага, чего уж мелочиться, – пожал плечами Зойка. – А вас, кстати, как зовут?

– Павел Сергеевич Барков.

– Мой жених, между прочим, – быстро добавила Ира.

«Если я сейчас скажу – был ваш, а стал наш... наверное, она обидится», – пронеслось в голове Зойки, и она сморщилась, будто разжевала дольку лимона. Это же какой дискомфорт в душе, когда не можешь сказать то, что думаешь!

– Карпушина Зоя, – представилась она, расправив плечи и выставив вперед маленькую грудь. – Будем знакомы!

– В детстве мы ее дразнили «карпухой» или «рыбешкой», – начиная нервничать, едко заметила Ира. Ну зачем, зачем эта дурочка притащилась! Да еще пригласила Павла на танец! На три танца! Вечно устраивает представления и все портит!

Нет, Ира не ревновала, она просто не могла допустить, чтобы кто-нибудь смазал то горделивое настроение, которое переполняло ее вот уже несколько часов подряд. И еще – она стыдилась маленькой, щупленькой Зойки... Эта чокнутая вобла притопала напрямиком из цирка – таких подруг и знакомых у звездных актрис быть не может!

Слова Задольской резанули по живому, и Зоя, мстительно сверкнув голубыми глазами, «совершенно случайно» победно махнула рукой...

– Надо было ее остановить, – покачала головой Лидочка, – добром это не кончится.

– Ерунда, от танцев еще никто не умирал, – Таня усмехнулась и с обожанием посмотрела на Зойку. – К тому же нашей Зойке никто не страшен – однажды она побывала в клетке с тиграми... во всяком случае, она об этом много раз рассказывала...

– То тигры, а то Задольская, – тяжело вздохнула Лидочка Апраксина, откладывая в сторону льняную салфетку. – Чувствуешь разницу?

Разница, наверное, была, но сейчас Таня вряд ли бы смогла предъявить подруге грамотную сравнительную характеристику. Розовое вино и шампанское еще час назад сделали свое черное дело, и теперь на лице светилась наиглупейшая улыбка, а кругом все казалось расплывчатым и вязким. Вот только Зойка почему-то была четкой и яркой, будто ее освещал мощный прожектор.

– Не чувствую, – наконец-то ответила Таня, переключая свое внимание на прозрачный желеобразный десерт. Дрожит, зараза... тронешь его, и дрожит...

– Тигры... они, когда сытые... – Лидочка икнула и, пытаясь удержать свою мысль, быстро закончила фразу: – Они нормальные, понимаешь?

– Угу, – кивнула Таня, все же тыкая вилкой в желе.

– А Задольская... она хоть сытая, хоть голодная... – Лидочка осеклась и, откинувшись на спинку стула, замерла.

– Ты чего?

– наших бьют... – тихо произнесла Лидочка и, вскочив с места, повторила фразу, но уже гораздо громче. – наших бьют!

Таня подняла голову и увидела Зойку. Маленькую тощую Зойку, превратившуюся в нахохлившегося воробья и вступившую в неравную схватку с «великой актрисой» (Задольская была выше на целую голову). Ничего себе!

Переглянувшись, Лидочка и Таня, точно по команде, подскочили и бросились на выручку к подруге. Свободная художница никогда не одобряла кровавых драм и надеялась урегулировать конфликт путем мирных переговоров, а бывшая владелица ресторана, наоборот, не собиралась церемониться и разбираться, кто прав, кто виноват. «Наших бьют!» – какие тут могут быть сантименты?

Подлетели они вовремя. Задольская, вцепившись в Зойкин рукав и явно намереваясь оторвать его «с корнем», гневно демонстрировала большущее пятно на собственном платье. «Она нарочно меня толкнула, и я облилась шампанским», – сообщила она уже в третий раз, надеясь на поддержку общественности. Инцидент, по сути, был вялым – присутствие мужчин сдерживало Задольскую от той реакции, которая рвалась на свободу. Позволить себе роль скандалистки она не могла.

Внутренне собравшись и оценив прибывшее подкрепление по достоинству, Ирина с неохотой отпустила Зойку и, презрительно хмыкнув, бросила в ее сторону весьма обидную фразу: «Чего еще можно ожидать от такой неудачницы»...

– И это ты говоришь мне? – взвилась Зойка. – Мне?!

Захлебнувшись собственным негодованием, она сдвинула тонкие брови на переносице и дернулась вперед. Но Лидочка держала ее крепко.

– Пусти меня! Я должна ей хорошенько треснуть, – пискнула Зойка, пытаясь вырваться из крепких рук матери троих детей.

– Посмотри, посмотри, что ты сделала! – опять ткнула пальцем в пятно Задольская. – Ты знаешь, сколько стоит это платье? Хотя вряд ли, в таких магазинах ты не бываешь.

– Дорогая, не стоит так расстраиваться, – ровным голосом произнес жених Задольской. – Завтра я куплю тебе все, что ты пожелаешь.

Таня посмотрела на мятый Зойкин рукав, обнаружила на шве дырочку, из которой торчала короткая нитка, и развернулась к Задольской и ее жениху. Ага. Значит, этот самодовольный фрукт купит Ирке новое платье – прекрасно! А Зойке кто возместит ущерб? Кто?!

Почему-то в эту минуту все негодование сфокусировалось именно на женихе... Крутой бизнесмен! Влегкую может подарить своей невесте машину!.. Стоит и взирает на них с полнейшим равнодушием, будто они действительно неудачницы!

– Ваша невеста испортила платье моей лучшей подруге, – сказала Таня, испепеляя взглядом спокойное лицо жениха бывшей одноклассницы. Показалось или в его глазах мелькнула скользкая снисходительность? – Как насчет того, чтобы исправить это маленькое недоразумение?

– Да! – обрадовалась Зойка и еще раз дернулась в цепких объятиях Лидочки. – Павел Сергеевич, как насчет того, чтобы возместить мне ущерб? Моральный, так и быть, я вам прощаю, но вот материальный...

– Ничем не могу помочь, – ответил Барков и, давая понять, что вопрос закрыт, взял невесту под руку и, обратившись к ней, добавил: – Дорогая, мне кажется, нам пора.

Ирочка Задольская от счастья и восторга подпрыгнула до небес. Ха! Как они уделали этих тетех! Павел просто прелесть – такой умница... Ну, Зойка-то птица не важная, устраивать с ней дуэли мало интереса, но вот первый раз удалось шелкнуть по носу Таньку Семенову – вечную соперницу и задаваку! Она возомнила себя крутой бизнес-леди, но это все на пустом месте! Да где бы она сейчас была, если бы ее влюбчивый дядюшка не укатил в Америку, оставив дорогой племяшке ресторан? Известно где – торговала бы сковородками и чайниками, и шмотки бы покупала не в фирменных магазинах, а на рынке! А то кому-то все – готовый ресторан на

блюдечке сразу же после института, а кому-то тухлые роли – две фразы на выходе и одна после антракта!

В душе Тани витали иные чувства и эмоции... и не витали, а закручивались в тугой кулек торнадо. Кто прав, кто виноват – в данную минуту ее волновало мало. Зойка шла на встречу одноклассников как на праздник, а эта ехидна испортила ей настроение и даже извиняться не собирается! Можно не сомневаться – Задольская первая сказала какую-нибудь гадость и спровоцировала скандал, наверняка в обществе своего жениха она чувствует полнейшую вседозволенность!

– Вы никуда не пойдете, пока не принесете извинения моей подруге, – выпалила она, расправляя плечи и делая шаг вперед. – Понятно?

– Да! – опять обрадовалась Зойка. От восторга подпрыгнула и наступила острым каблучком на ногу Лидочке.

– М-м-м, – мужественно сдержала крик мать троих детей.

– Вот еще, – фыркнула Ира и едко улыбнулась.

– Ничем не могу помочь, – повторил свою фразу Павел Сергеевич Барков.

Таня подняла голову и встретилась с ним взглядом... Опять это неприятное снисхождение... Опять!

Мысленно досчитав до пяти, она глубоко вдохнула пропитанный музыкой и сигаретным дымом воздух, затем резко протянула руку вперед – к карману белоснежной рубашки жениха, сжала похолодевшими пальцами жесткий отглаженный край и... И в одно мгновение с треском оторвала карман, да так, что он печально повис, демонстрируя торчащие во все стороны нитки.

«Никто не смеет обижать Зойку!» – мелькнуло в голове Тани.

О, теперь, когда справедливость восторжествовала, она могла себе позволить самую победную из всех победных улыбок!

Глава 3

Шаг к пропасти

Денег не хватило. Увы, увы, увы – не хватило.

Таня сидела за кухонным столом и смотрела то с недоверием на счета, то с надеждой на калькулятор. Так... надо еще раз все хорошенько проверить, возможно, она попросту ошиблась...

Раньше бухгалтерией занималась давнишняя приятельница дяди – болтливая и несколько нервная Вероника Николаевна. Опыта у нее было предостаточно, да и дела она вела отлично (Таня ей доверяла целиком и полностью). Но четыре месяца назад, прогуливаясь по своему дачному участку, она надумала залатать крышу сарая, и эта затея закончилась весьма плачевно. Старая лестница не выдержала приличного веса уже немолодой женщины, и Вероника Николаевна отправилась в больницу с переломом ноги. Лечиться пришлось долго: то кости не так срослись, то образовалась непонятная припухлость, то еще что-то. Устав от врачей и болячек, Вероника Николаевна убрала в шкаф всю бухгалтерскую литературу и твердо сказала себе: «Хватит, проживу на пенсию, пора уже и об отдыхе подумать». А как раз в это время ресторан пошел ко дну – искать нового бухгалтера смысла не было. Таня немного поразмышляла (а не нанять ли временного?) и, махнув рукой, решила во всем разобраться самостоятельно, а уж потом, если понадобится... может быть... видно будет...

Теперь она жалела о своей безответственности.

– Попробуем еще раз, – протянула Таня, сбрасывая цифры на калькуляторе.

Счет за колбасные изделия... не так уж и много.

Счет за стулья... вроде он был оплачен... нет, не был.

Счет за четыре карниза... н-да.

Счет за междугородние переговоры (ау, дядя!)... ну, сумма маленькая, ничего страшного (хм, у дяди свои дела и заботы).

Счет за свечи... тонкие длинные свечи желтого цвета, украшенные золотой нитью... почти копейки.

Счет от оптового продуктового магазина... уф, дорог нынче сахар... прилично, но терпимо.

Счет за сантехнику (о! Какие отличные краны и раковины удалось достать! Супер!.. Жаль, обратно их нельзя вернуть)... ну, не могут столько стоить унитаза – это же грабеж среди бела дня!

Счет за плетеные салфетки... он точно был оплачен! Точно!.. Увы, нет.

Счет за новую форму для официантов... (где вы сейчас, Лена, Катя, Тома и Валя?)... дрянной счет!

Счет за рыбу... ха-ха! Рыба была с запашком, и ее с извинениями забрали обратно!.. Хоть здесь повезло.

Счет за рекламу... жалкие листовки стопочкой там, где удалось приткнуть... Фигня... и т. д.

Таня перебирала бумажки и вздыхала. Много она должна – очень много. Но... но есть деньги, вырученные на аукционе и на закрытой ярмарке, организованной три года назад исключительно для предприятий (даже унитаза удалось пристроить! Только в полцены...).

– Ничего не выходит, – сердито буркнула Таня и недовольно отодвинула от себя калькулятор. – Не выходит...

Даже если она потратит все деньги на оплату счетов, у нее останется долг размером... триста тысяч рублей! Немыслимо... Прощай, неделя в доме отдыха, прощай, сказочный Новый

год с любимой красной икрой и подарками, прощайте, рождественские каникулы, прощай, уверенность в завтрашнем дне. Собственно, эта уверенность уже давно при смерти.

Таня встала, подошла к холодильнику, достала пакет с апельсиновым соком, помедлила, поставила его на стол и взяла телефонную трубку.

– Лида, привет, выручай! – начала она, как только раздался сонный голос подруги.

– А сколько времени?

– Восемь.

– Рано.

– Это я знаю, но у меня просто катастрофическая ситуация...

– Долги? – понимающе спросила Лидочка Апраксина.

– Они самые. Мне нужны деньги.

– Сколько?

– Триста тысяч рублей.

– Ого!

– Да уж...

– Могу тебя порадовать только половиной суммы. Вчера я наконец-то получила свои кровные с галереи – четыре мои картины всучили какому-то немцу, а три японцу. Вообще, народ любит абстракцию, что очень даже неплохо... И в отличие от тебя у меня есть некоторые сбережения.

– Лидка, я тебя обожаю!

– Ты знаешь, после того как ты оторвала карман жениху Задольской, я тоже могу с уверенностью сказать, что я тебя обожаю, – усмехнулась Лидочка. – Было в этом моменте столько приятного... Ух! – Она довольно захихикала.

– Мне и самой понравилось, – ответила Таня, вспоминая, как Задольская покрутила пальцем у виска, еще раз обозвала Зойку неудачницей и с гордо поднятой головой прошествовала к гардеробной, придерживая за локоть своего драгоценного жениха. Ну а он-то был явно удивлен. Понятное дело – еще никто и никогда не отрывал ему карманы с таким удовольствием!

Поболтав с Лидой еще немного, Таня распрощалась и в приподнятом настроении принялась анализировать сложившуюся ситуацию.

Все не так уж и плохо. Да, все не так уж и плохо! Главное – не ныть и не падать духом!

Необходимо разложить проблему по полочкам. Занимать деньги уже не у кого, она и так должна маминной приятельнице и однокурснику (они подождут, им не к спеху). Она оплатит почти все счета, и долг останется не такой уж большой – около шести тысяч долларов... С завтрашнего дня можно начать поиск работы – составить резюме, и вперед! Целиться надо на заместителя управляющего (это две-три тысячи долларов ежемесячно, а может, и больше). Возьмут? Конечно, а почему бы и нет, она пять с половиной лет владела рестораном – опыта завались! Ну а при такой зарплате можно неплохо жить и постепенно отдавать долги. Отлично.

Вот только на пару-тройку счетов сейчас денег не хватит... Нет, лучше выбрать один счет на сто пятьдесят тысяч рублей и отложить его до лучших времен, а остальные оплатить. Все же спокойнее, когда должна кому-то одному, а не целой куче незнакомых людей.

Таня налила в стакан апельсиновый сок, сделала один большой глоток, закрыла глаза, чувствуя, как прохладная жидкость приятно обжигает горло, и сказала вслух:

– Я молодец.

Рассортировав счета на кучки, она взяла в руки те, сумма которых светила под сто пятьдесят тысяч (таких оказалось три штуки), разложила их пасьянсом на столе вверх белой стороной, подперла кулаком щеку и задумалась. Какой же оставить неоплаченным? Лучше бы, конечно, побегать по кредиторам и поговорить, но... Но для этого надо иметь немного другой характер, не такой, как у нее.

– Пусть будет так, как судьбе угодно, – решила она и, ткнув пальцем в крайний слева листок, добавила: – Этот ближе к сердцу.

Она взяла счет и перевернула его. Фирма «МАСТ-КЛАСС» – сантехника оптом и в розницу.

* * *

Последующие дни были наполнены суетой. Таня прощалась с прежней жизнью и оптимистично настраивала себя на новую. В еженедельнике столбиком были помечены все завершённые дела – это бодрило и заражало энтузиазмом.

1. Счета оплачены (все, кроме одного).
2. Генеральная уборка в квартире сделана.
3. Вещи разобраны (ненужное отвезла маме).
4. Сходила в салон (ну и плевать, что деньги последние!).
5. Встретилась с Зойкой – еще раз обсудили Задольскую – это было великолепно.
6. Подарила себе нижнее белье – сиреневое с малюсенькими бантиками (ну и плевать, что деньги последние!).
7. Скупила все газеты о трудоустройстве – тоска и ерунда.
8. Полазила по Интернету, нашла несколько интересных и перспективных вакансий – с понедельника начну активный поиск работы.
9. Позвонила в фирму «МАСТ-КЛАСС» и договорилась о встрече с начальником отдела продаж Крыловым Юрием Петровичем – завтра улажу последнюю проблему (получу отсрочку по счету), и да здравствует новая жизнь!!!

Глава 4

Еще один шаг

Москва еще не заразилась Новым годом. Гирлянды не украшали витрины магазинов, пластмассовые деды-морозы не улыбаются приветливо на каждом углу, мишура не серебрилась на искусственных и живых елках. Но шаги приближающегося праздника уже были слышны. Топ-топ, хруп-хруп. Воздух легкий, с приятным ароматом мандаринов, снег белый, искрящийся на солнце, и упакованные в яркие новогодние коробочки шоколадные конфеты, выставленные на полках в кондитерских отделах (вроде рано, но уже продаются). Волнительно и приятно.

Таня купила в ларьке проездной билет и подошла к остановке. Сняла капюшон и стряхнула с челки налипшие снежинки – выглядеть надо хорошо. Крылов Юрий Петрович – начальник отдела продаж – должен увидеть перед собой уверенную respectable женщину, не вызывающую никаких сомнений.

«Я оплачу счет, но только позже, возможно, через два-три месяца, вы не возражаете?»

«О нет, конечно, нет!»

Желательно, чтобы разговор проходил именно в таком ключе.

Фирма «МАСТ-КЛАСС» занимала два этажа шикарного офисного центра. Стеклопакетные двери бесшумно разъехались в стороны, приглашая Таню в гости. «Неплохо, – пролетела мысль, – очень даже неплохо». Вот и она скоро устроится на работу и будет вышагивать к собственному кабинету по мраморному полу или коврам дорожкам. Получит карточку-пропуск, целую кучу канцелярских принадлежностей и необременительные обязанности. Организатор она хороший и руководитель на уровне, так что новая жизнь обещает быть интересной и приятной.

Охранник проверил паспорт, сделал короткий телефонный звонок, выписал временный пропуск и махнул рукой в сторону ступенек. Таня прошла мимо зеркальной стены (получила удовольствие от собственного отражения) и направилась вверх по лестнице.

– Юрия Петровича нет, он застрял в пробке, и ожидаем мы его только через полтора часа. Ну, это в лучшем случае, – развел руками улыбчивый менеджер отдела продаж.

– И что... мне столько его ждать? – Таня поправила на плече ремешок сумочки и посмотрела на круглые настенные часы. Н-да...

– Нет, не волнуйтесь. Юрий Петрович договорился с нашим многоуважаемым генеральным директором, и вас примет именно он.

«Замечательно», – подумала Таня, не зная, плюс это для нее или минус. Директора, они все же разные бывают.

Улыбчивый менеджер проводил ее до нужного кабинета. Нажав на золоченую ручку, открыл отделанную светлым деревом дверь и, считая свою миссию законченной, отправился в конец коридора к своему рабочему месту.

Таня сняла куртку, перекинула ее через руку, еще раз поправила ремешок сумки и решительно зашла в кабинет. Никакого страха в душе не было – сто пятьдесят три тысячи рублей не такая уж огромная сумма, чтобы генеральный директор фирмы «МАСТ-КЛАСС» не пошел на маленькую уступку.

Первая комната оказалась небольшой и являлась владениями секретарши. «Эх, забыла спросить, как зовут директора...» – подумала Таня и шагнула к симпатичной девушке, сидевшей за столом. Девушка самозабвенно играла в тетрис и на вошедшую Таню практически не обратила никакого внимания. На секунду оторвалась от монитора, кивнула в сторону еще одной двери и вновь принялась укладывать разноцветные фигурки стопочкой.

«Ладно... о чем с ней разговаривать», – подумала Таня и последовала в указанном направлении.

– Да... да... нет, с этим гони их на фиг. Завтра я занят, давай договоримся на пятницу... без проблем. Понятия не имею! Ты когда его видел последний раз? Хорошо, я сам разберусь... нет, больше никаких уступок...

Около окна, спиной к Тане, стоял высокий мужчина, он довольно эмоционально разговаривал по мобильному телефону, щелкая зажигалкой впустую. На подоконнике лежала пачка сигарет, но руки до нее, похоже, у генерального директора еще не дошли.

Последняя фраза «нет, больше никаких уступок» Тане не очень понравилась, но мало ли с кем он так категоричен...

– ...подгони мне документы к вечеру... хорошо, завтра к обеду... Ты, кстати, в конце декабря где будешь?.. Какой к черту мальчишник, ты о чем? – он закинул голову назад и засмеялся... – Иди в баню!

Легкий холодок пробежал по Таниной спине... Голос, фигура, жесты – это было так знакомо...

Не может быть!..

Он резко развернулся и замер. Широкая улыбка исчезла, а на лице появилось искреннее удивление.

– Я тебе потом перезвоню, – бросил он в телефонную трубку и, прервав разговор, отключил мобильник.

Таня закрыла глаза, чуть подождала, а затем их открыла.

Он не исчез.

Он ее узнал.

Она ему должна сто пятьдесят три тысячи рублей, но денег у нее нет...

Жених Задольской собственной персоной...

Нет!!!

– Доброе утро, Таня. Я не ошибся, вас так зовут? – Он указал на один из стандартных офисных стульев, а сам сел в кресло за широкий массивный стол. – Какими судьбами?

Мысли запрыгали как кузнечики – запрыгали высоко и часто. Надо было спасаться, и надо было делать это очень быстро и грамотно. Есть, есть еще шанс все уладить... Потом она встретится с начальником отдела продаж, и все будет шито-крыто, а сейчас нужно собраться и выдать что-нибудь правдоподобное.

– Я к вам пришла по поводу Зои Егоровны Карпушиной, – официально сказала Таня и села на стул. Вытянула ноги, сумочку положила на стол, а куртку устроила на коленях. – Я не знаю вашего имени...

– Павел Сергеевич Барков.

– В ресторане мы с вами не договорили... Вы обидели мою подругу и обязаны извиниться.

– Вы меня изумляете, Таня. Не могли бы вы уточнить, как именно я ее обидел?

Он не сердился, не смеялся – он недоумевал.

«Как-как... – про себя разозлилась Таня, – откуда я знаю как, я вообще плохо помню подробности, но должна же я хоть что-нибудь говорить!»

– У Зои испорчено платье. Ваша невеста, между прочим, испортила. И вы, вместо того чтобы уладить этот вопрос, повели себя нестерпимо грубо! Вот. Моя подруга расстроена, так что будьте любезны принести ей извинения.

– Кстати, а как насчет моей рубашки? – Он усмехнулся и с тоской посмотрел на пепельницу, а потом на пачку сигарет, оставшуюся на подоконнике. – Вы оторвали на ней карман.

– Не мелочитесь, – поморщилась Таня и тут же, опомнившись, добавила: – Об этом мы поговорим позже.

– Значит, так, эта комедия затянулась. – Он встал и жестко произнес: – У меня куча дел. Никаких извинений и платьев не будет. На этом считаю наш разговор законченным. Прощайте.

Еще никогда Тане не указывали на дверь – она привыкла совсем к другому обращению. Она – владелица ресторана!.. Ну, бывшая владелица... У нее куча людей в подчинении!.. Ну, не так много, и это уже вчерашний день... Она, в конце концов, не надоедливая муха, а женщина!

– Вы... вы... – попыталась сформулировать свою мысль Таня, – да вы...

– Нахал?

– Да!

– Свинья?

– Да!

– Вот и прекрасно, значит, вам с таким человеком разговаривать не о чем. Прощайте.

Таня сжала губы и подскочила. Она уже приготовилась высказать все, что думает о Баркове (жених от невесты недалеко падает и так далее), как вовремя поняла, что свою гордость сейчас лучше убрать куда подальше. Ей уже давно надо было смотаться из кабинета, а вместо этого она раздувает новый скандал, привлекая внимание к своей персоне, а это может закончиться весьма плачевно. Жениху Задольской ни к чему знать, что она числится у него в должниках и что денег на оплату счета у нее нет.

Надо просто встать и уйти.

Встать и уйти!

Дня через два она договорится с начальником отдела продаж о новой встрече и все тихо-нечко уладит...

Таня расслабилась, выдала милую улыбку и сказала:

– Я поняла вашу позицию. Чего еще можно ожидать от жениха Задольской... Уверена: ваш брак будет очень крепким – вы так подходите друг другу! Прощайте, надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Она подхватила куртку, сумку и направилась к двери. Пройдя полпути, остановилась и язвительно добавила:

– Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что оторвала только один карман на вашей рубашке.

Наверное, хлопать дверью не стоило, но Таня не удержалась...

Выйдя из офисного центра на улицу, накинув на голову капюшон, она улыбнулась – уф, кажется, обошлось.

* * *

Юрий Петрович Крылов очень трепетно относился к своим обязанностям, и когда его спрашивали, почему он, дожив до пятидесяти лет, так и не обзавелся семьей, всегда отвечал одно и то же: «Я женат на своей работе». И в этот момент он всегда лучился таким неподдельным счастьем, что все остальные вопросы отпадали сами собой. Десять лет он занимал должность начальника отдела продаж в фирме «МАСТ-КЛАСС» и десять лет пребывал в состоянии приятного покоя.

Выпив утром кофе со сливками, неторопливо откушав ванильный глазированный сырок, Юрий Петрович заторопился в офис. Оделся, спустился по лестнице на первый этаж (очень полезно для здоровья ходить по ступенькам!), смахнул щеточкой снег с темно-серого «Форда», прошелся пластмассовым скребком по лобовому стеклу и уселся в уютное кресло «родненькой развалюхи» – именно так он любовно называл свою машину, купленную два года назад. Но прекрасное настроение уже через пятнадцать минут было испорчено длиннющей пробкой, которая как назло растянулась по МКАД на многие километры. Ничего не оставалось, как, тяжело вздохнув, позвонить на работу и предупредить о своем опоздании. Попросив Баркова

встретиться с Семеновой Т.Д., отдав несколько распоряжений менеджерам, он поставил диск с классической музыкой и мысленно погрузился в необъятный мир продаж.

В офис Юрий Петрович приехал только к половине одиннадцатого и сразу же отправился в кабинет генерального директора. Надо узнать, чем закончилась встреча с Семеновой, – порядок прежде всего. Она (владелица ресторана) купила у них полный комплект сантехники, унитазов, раковин и плитки для туалетной комнаты, теперь же хотела поговорить о счете. Речь должна была пойти об отсрочке...

– Павел Сергеевич, я буквально на минуту, – заходя в кабинет, сказал Юрий Петрович, одергивая тесный пиджак (пора, давно пора отказаться от пирожков в столовой). – Что там с Семеновой?

– Не приходила, – покачал головой Барков, отодвигая на край стола подписанные бумаги.
– Странно... она же сама позвонила и попросила о встрече... Хм, странно...

Юрий Петрович не любил безответственности и неорганизованности, из-за таких погрешностей в отношениях у него иногда разыгрывались мигрень и изжога. Хотя, скорее всего, виной изжоги была слишком жирная пища, отказаться от которой пока не получалось.

– Видимо, передумала, а может, как и вы, застряла в пробке, – пожал плечами Барков. – Да вы присаживайтесь, Юрий Петрович.

– Нет, спасибо, работа ждать не любит, так что я, пожалуй, пойду. – Крылов нажал на ручку двери и, мучаясь от очередного приступа педантизма, задумчиво произнес: – А может, мне ей позвонить?

Вопрос он задал самому себе – мысли вслух, не более того, но Барков на него автоматически ответил.

– Если это для вас важно, конечно, позвоните. Кстати, а в чем там проблема? Я, признаться, из-за ужасной телефонной связи половину ваших слов не разобрал.

– Да ситуация, собственно, рядовая. Ресторан для своих нужд приобрел товар на сумму сто пятьдесят три тысячи рублей, и, как я понял, у них финансовые проблемы. То есть возникла необходимость в отсрочке платежа. Встреча, безусловно, в их интересах, и вот, пожалуйста, – Юрий Петрович сморщил нос, – сами же и не явились. Непорядок.

– А как называется ресторан?

– «Рыжая осень». Небольшой, находится на улице Обручева.

В памяти Баркова раздался короткий щелчок, а затем побежала бегущая строка: «Где я уже слышал это название, где?»

– Как, вы сказали, фамилия владелицы?

– Семенова, – кивнул Крылов, вновь одергивая пиджак (вот теперь точно – никаких пирожков!). – Семенова Татьяна Дмитриевна.

– Татьяна... – тихо повторил Барков и извлек из кармана плоский матовый мобильник. – Извините, Юрий Петрович, мне нужно сделать один звонок... подождите минуточку.

Он набрал номер Ирины и нетерпеливо стал слушать гудки, затем раздался приятный сердцу голос:

– Алло.

– Дорогая, это я. Помнишь, мы возвращались после встречи с твоими одноклассниками, и ты рассказывала про девушку, которая оторвала карман на моей рубашке...

– Конечно, помню! – выпалила Ирина и тут же поинтересовалась: – А что?

– Ты говорила, у нее свой ресторан...

– Да, только заслуги ее в этом мало, просто повезло с дядюшкой.

– А как ее фамилия?

– Танька Семенова.

– А как называется ресторан?

– «Рыжая осень». А что? Почему ты спрашиваешь?

Сейчас совершенно не хотелось вдаваться в подробности. Навалившиеся эмоции переваливали через край, в душе плясали чертики, а губы растянулись в едкую самодовольную улыбку.

– Ничего интересного... Разбирался с одним клиентом и как-то вспомнилось, – ответил Павел Сергеевич Барков, не переставая удивляться случившемуся совпадению. Он попросился, отправил мобильный телефон обратно в карман и обратился к замершему около двери Крылову. – Юрий Петрович, оказалось, что я несколько знаком с Семеновой Татьяной, так что этим делом я займусь сам.

– Вот и замечательно, – кивнул Крылов, внутренне расслабляясь, – я уж боялся, что эта катавасия затянется надолго. А порядок должен быть во всем, – он многозначительно поднял указательный палец и покинул кабинет.

Барков встал, подошел к окну и закурил. Тонкая струйка дыма взметнулась вверх, а затем потянулась в сторону. Значит, Татьяна Дмитриевна, вы приходили поговорить о своей подруге?.. И вам ТАК НЕОБХОДИМО было получить извинения... Ну-ну... ну-ну.

Глава 5

Чучело огородное

Имеющаяся работа устраивала Зойку целиком и полностью. Во-первых, хорошо платили (помимо зарплаты частенько обламывались чаевые), во-вторых, свободного времени – завались (можно зубрить монологи и басни, готовясь к поступлению в класс-студию), в-третьих, костюмированные представления на корпоративных праздниках и детских утренниках иллюзорно приближали к заветным мечтам (ах, сцена! ах, эта наисложнейшая роль неприступной холодной Снегурочки!), в-четвертых, на свадьбах отлично кормили, в-пятых, вставать каждый день рано и тащиться в офис было вовсе не обязательно. Куда ни глянь – сплошные преимущества.

Утром Зойку разбудил телефонный звонок. Кирилл Абрамович, этот нуднейший субъект, занимающий в фирме «Ваш друг – массовик-затейник» должность администратора, решил именно в девять утра (когда все нормальные люди, конечно же, еще спят) сообщить расписание на следующую неделю. Две свадьбы (отлично, наверняка будут суши – это нынче модно), одни проводы на пенсию (как же надоел салат оливье) и пятидесятилетие любимого чада преуспевающего бизнесмена (главное – не пускать детишек в туалет, именно там обычно льется рекой пиво и шампанское). И еще Кирилл Абрамович сообщил пренеприятнейшую весть: Перова Света вывихнула ногу, и ее сегодняшняя работа плавно перекладывается на Зойкины плечи.

Замечательно...

Собственно, заказ был всего один, но это ничуть не смягчало зудящего недовольства. Одно дело – развлекать народ во время застолья, и совсем другое – быть ведущей фигурой в розыгрыше. Такие оплаченные мероприятия в фирме «Ваш друг – массовик-затейник» никто не любил.

– Почему обязательно я, – заныла Зойка.

– У тебя это лучше всех получается, а потом: ты маленькая, и риск, что тебя отмутузят, – минимален, – охотно объяснил Кирилл Абрамович.

Мода устраивать своим знакомым розыгрыши пошла лет пять назад (всему виной гадкие телевизионные передачи и дешевые шоу!). Да, это хорошо и даже замечательно, но... но не у всех есть чувство юмора, не у всех здоровая нервная система, и не всегда заказ является веселым и безобидным. И кто в таких случаях страдает? Правильно – ваш покорный слуга массовик-затейник! В лучшем случае в свой адрес можно услышать пару-тройку крепких выражений, в худшем... эх, не будем о грустном (выезжать на розыгрыш положено в кроссовках – убежать легче).

Зойке, правда, никогда не доставалось, и поругали-то ее только однажды (перестаралась по неопытности), а все почему? А потому что к своей работе она относилась с душой и устраивала такие представления, что любо-дорого посмотреть.

– Ну, и кто на этот раз будет жертвой? – обреченно вздохнула она, нажимая на кнопку пузатого оранжевого чайника. – И что надо делать?..

Одеться вызывающе... Ну, подходящей одежды в шкафу предостаточно. Зойка выбрала красный, покрытый блестками, топик, короткую джинсовую юбку, колготки сеточкой и высокие лаковые сапоги на шпильках. Полюбовавшись на себя в зеркало, она добавила к этому безобразию еще и яркий макияж.

– Н-да, – многозначительно протянула она, виляя попой. – И куда же ты собралась в таком виде?

К одежде Зойка всегда относилась трепетно и, как только появлялись лишние деньги, сразу же отправлялась на прогулку по магазинам и с удовольствием проводила полдня в при-

мерочных. Покупки далеко не всегда оказывались практичными и нужными (то перебор со стразами, то вещичка явно подростковая, то вроде бы все неплохо, а пойти в таком наряде некуда), но в данном случае это не было транжирством и бестолковостью – Зойка горячо и нежно любила каждую юбочку и футболку, каждые шорты и бриджи и относилась к скопившейся одежде как к коллекции, которой вполне можно гордиться.

Самыми дорогими экспонатами «музея» являлись вечерние платья. Их Зоя покупала с особым трепетом... Рано или поздно придется получать «Оскар» за лучшую женскую роль... нельзя же стартовать в Голливуд в чем попало!

– Так куда же я собралась... – вздохнула Зойка, старательно начесывая соломенные волосы, придавая им необходимый объем. – На встречу с режиссером, куда же еще...

Да, по иронии судьбы сегодня ей предстоит разыграть дешевый спектакль именно перед режиссером. Его друзья обратились в фирму «Ваш друг – массовик-затейник» с готовым сценарием розыгрыша, и осталось только выполнить оплаченное. Дурацких басен она знает предостаточно, и покривляться пятнадцать минут – не проблема, но как же грустно, как грустно...

– Эх, – вздохнула Зойка, – мне бы только один шанс получить, и я бы... Я бы о-го-го! Всем бы показала на что способна!

Она надела полушубок, представила, как в сетчатых колготках замерзнут ноги, поежилась, еще раз вздохнула и, расправив плечи, вздернув нос, вышла из квартиры. Басню им подавай... да без проблем!

* * *

Пройдя мимо снегоочистительной техники, Игорь Яковлевич Фадеев оказался около ладенькой передвижной бытовки. Линолеум «под паркет», широкий стол, полированная скамья, угловой стеллаж, умывальник, чайник... О да! Кружка горячего крепкого чая – это то, что нужно! Особенно с мятным листом, особенно когда раскалывается голова и особенно когда ты раздражен до предела.

Снег валит и валит, валит и валит, а съемка стоит! А он думал – повезет и работа в Подмосковье будет приятной и удобной.

Игорь Яковлевич швырнул перчатки на стол, снял куртку и посмотрел на грязные разводы на полу – холодрыга, да и забегает он в «свои апартаменты» обычно только на десять минут, не снимать же каждый раз ботинки. Фадеев глянул на часы и скривился. Какие десять минут... нет, ничего не выйдет... сейчас явится ОНА, и настроение испортится еще больше! А ведь чуть не забыл (лучше бы забыл!)... Вот тебе и отдохнул в тишине и покое...

Лет двадцать назад Игорь Яковлевич бредил актерской профессией, но, проучившись год в Щепкинском училище, понял – это не совсем то, чем хотелось бы заниматься всю оставшуюся жизнь. И последующие годы он уже оттачивал иное мастерство – режиссерское и теперь чувствовал себя счастливым человеком, занимающим именно свое место под солнцем. Душа бурлила идеями и планами, а приятное общение с интересными людьми оставляло в сердце теплый глубокий след.

Но в трудовых буднях мелькали и досадные, огорчительные моменты, которые, к сожалению, приходилось принимать.

Игорь Яковлевич без особых проблем находил средства на новые киноленты. Фильмы он снимал жизненные – без спецэффектов, так что запредельных сумм никогда не требовалось. Исключение составляли съемки за границей, семейные саги и сценарии, в которых существовало переплетение нынешнего дня с далеким прошлым, тут уж приходилось сидеть на телефоне и обзванивать всех подряд. Правда, последние пять лет с этим стало полегче, продюсеры сами отыскивали его и предлагали достойную работу. Но, увы, изредка за это просили о

«небольшой» услуге – взять на одну из ведущих ролей ИМИ выбранную актрису или впихнуть в эпизод дочку или сына приятеля. Хорошего мало, но никуда не денешься.

– Как же они мне надоели, – буркнул Фадеев, кидая в кружку два куска сахара. – Ну и где эта великая актрисулька? – Он заглянул в жестяную банку и с разочарованием взял последнее обсыпанное маком печенье. – Опаздывает, чтоб ей пусто было...

Утром Иван Курочкин, правая рука и друг, сообщил, что к трем придет племянница банкира, которой непременно надо дать роль со словами (понятное дело, не в массовку же пихать столь одаренный бриллиант, тьфу!). Девочка вроде талантливая и стеснительная (еще и нянькаться с ней! Все они талантливые... пока басню читать не начнут... ну, почему, почему они всегда читают какую-нибудь басню?!)... Надо было узнать, чья она подопечная, какой из двух продюсеров постарался на этот раз, а то теперь сплошной дискомфорт – непонятно, на чью голову проклятия слать.

– Ах вы мои ненаглядные блатные актрисулечки, – нараспев произнес Фадеев и шумно хлебнул обжигающий чай. Подошел к небольшому окошку, отдернул белую полупрозрачную шторку и посмотрел на заснеженное поле, на отдыхающих актеров, столпившихся около другой бытовки (значит, обед уже привезли), на искрящиеся, не тронутые лопатой и техникой сугробы, на вытопанную дорожку... – А это еще кто? – выдохнул Игорь Яковлевич, вытягивая шею.

По дорожке бодренько шла маленькая худенькая девица... высокие блестящие сапоги, короткий розовый полушубок... Волосы взбиты и изрядно усыпаны снежинками.

Фадеев сразу же вспомнил фильм «Красотка» и сногшибательную Джулию Робертс, но вовсе не потому, что приближающаяся девушка имела такую же странную притягательную красоту, а потому, что... хм... она была похожа на... ну, да – на представительницу древнейшей профессии. И с каждым ее шагом ему становилось все хуже и хуже – неугомонная интуиция уже не шептала, а кричала: это и есть та самая «талантливая скромница», которую ты, дурак этаким, сидишь и ждешь.

– Нет, – простонал Фадеев, когда невозможное создание остановилось около его двери, – нет...

* * *

– Добрый день, Игорь Яковлевич, – выпалила Зойка и растянула улыбку до самых ушей. – Ой, извините!

Она вынула изо рта апельсиновую жвачку и зажала ее в кулаке.

– Здравствуйте... Как вас зовут?

– Зоя Карпушина. Двадцать девять лет, пока не замужем.

– А чего так? – автоматически спросил Фадеев, продолжая изумленно изучать девушку.

– Не сложилось, товарищ режиссер, – она пожала плечами и опять улыбнулась. – А вообще, я себя берегу для большого искусства. Ну, вы меня понимаете?

– Понимаю, – ответил Фадеев, и его лоб пересекли две глубокие морщины. – Проходите, раздевайтесь. Верхнюю одежду можно повесить на вешалку.

Он указал в угол комнаты и, надеясь, что выступление новоявленной актрисы будет коротким, сел за стол и закинул ногу на ногу. Подпер щеку кулаком и приготовился к худшему.

– Может, чаю? – вспомнил он о гостеприимстве.

– Было бы неплохо, – торопливо ответила Зойка, – а то на улице такая холодрыга, я себе отморозила всю зад... Ой, ну, в смысле, не май месяц на дворе.

– А чего же так оделись?

– Так чтобы вам понравиться, – она делано наивно захлопала глазами, – я же понимаю, что сегодня самый важный день в моей жизни. Ну, и не люблю я тесную одежду... я в ней потею.

«Считай, уже понравилась, – подумал Фадеев. – Давай читай свою басню и вали отсюда, все равно я должен тебя взять... На фига вообще эта вечная галиматья с пробами?! Видите ли, хочется им ощущать себя настоящими актрисами, которых взяли не по благу, а благодаря немереному таланту... тьфу и еще раз – тьфу!»

Зойка повесила розовый полушубок на вешалку, одернула короткий топик, пригладила юбочку и внимательно посмотрела на режиссера. Мужчина вроде ничего, даже приятный. Лет сорок. Высокий лоб, светлые волосы зачесаны назад, глаза серые и злится. Ха, ну и злись, будешь знать, как вместо таких замечательных Зоек, как она, брать на хорошие роли тухлых дур, пролезающих вперед благодаря толстосумам папочкам или любовникам!

Игорь Яковлевич с неохотой заварил чай и поставил чашку на край стола.

– Благодарю, – томно ответила Зойка и устроилась рядом на жестком стуле. – Вот уж не думала, что когда-нибудь так запросто буду сидеть за одним столом с таким режиссером, как вы.

Вживую Фадеева она видела впервые, но часто встречала его имя на страницах журналов и пару раз наталкивалась на его персону, щелкая каналами телевизора, и в данную минуту в душе подрагивала струна страха и почтения, но волю своим эмоциям она не давала: пусть у нее сейчас маленькая роль – роль глупой жеманной девицы, но она сыграет ее на «отлично»!

Зойка тоже закинула ногу на ногу и с любопытством оглядела комнату.

– Я думала, вы живете побогаче, – сморщила она носик. Жадно глотнула чай, и, чувствуя, как горячая жидкость приятно обжигает горло, опять улыбнулась.

– Это работа... – с трудом формулируя ответ, сказал Фадеев. – Вынуждены здесь торчать, пока не снимем две важные сцены.

Он удивился своей откровенности и, взглянув на часы, покосился на гостью. Хоть бы помаду не такую яркую выбрала, так нет же...

– Вы не думайте, я готова терпеть любые лишения... А в вашей картине эротические сцены есть?

«Есть, – ответил про себя Игорь Яковлевич, – но не надеешься же ты, чучело огородное, что я соглашусь снимать твою мороженую зад... Стоп. Хватит».

– Нет, – коротко ответил он. – Вы, кстати, что читать будете?

Услышав этот вопрос, Зойка подскочила и выпорхнула на середину бытовки. Откашлялась, поправила мокрые волосы, пошлепала губами, точно проверяя, а не разучилась ли она говорить, и изобразила реверанс.

«Пять минут потерплю, – попытался уговорить себя Фадеев, – а потом будет легче, потому что она... ПОТОМУ ЧТО ОНА УЙДЕТ!»

«Ворона и Лисица», «Мартышка и очки», «Кукушка и Орел», – мысленно перебирала Зойка басни Крылова. На какой же остановиться? А может, жахнуть все три – бодро, звонко, на мажорной ноте? Чтоб у него в ушах зазвенело! И смех и слезы... Она встретила взглядом с Фадеевым, вспомнила, что в кулаке до сих пор мирно покоится апельсиновая жвачка, спрятала руку за спину и подумала: «Ну что за жизнь, приходится валять дурака, а ведь этот день мог стать для меня особенным, тем самым, которого я так долго ждала... Вот напротив меня сидит известный режиссер, и вместо того чтобы продемонстрировать ему все свои таланты, я должна кривляться и выставлять себя на посмешище»... И тут сердце заныло, в глазах на секунду помутнело, а потом наоборот – стало светло и четко. А с какой, собственно, стати? Она хотела свой личный шанс, и вот он – сидит в нескольких метрах от нее! К чему кого-то изображать – надо быть собой! Просто быть собой. Уволят с работы? Ну и плевать! Возможно, она ему понравится, хотя бы чуть-чуть...

– Ну же, я слушаю, – не то подбодрил, не то поторопил Фадеев.

Зойка сделала маленький шаг вперед и еще раз откашлялась. От смятения она позабыла все басни и прозу, которые неплохо декламировала на театральных курсах и дома наедине. В голове остались только пронзительные стихотворения Марины Цветаевой, добровольно выученные еще в школе. «Ну и пусть», – подумала Зойка и почувствовала, как дрожат колени, как тает в кулаке апельсиновая жвачка и как на глаза наворачиваются слезы. Она коротко вздохнула и начала читать:

– Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный...

Ее голос то вздрагивал, то падал, то устремлялся ввысь. Душа сжималась в маленький теплый комочек, а в сердце рождалась злость – сильная, победная. Зойка неотрывно смотрела на Фадеева и верила, бесконечно верила, что слова, разрывающие воздух, – ПРАВДА. Ее и его правда.

Она приковывала его взглядом к стулу, и он уже не замечал ее нелепого наряда и ее яркого безвкусного макияжа... Она читала и читала, а он слушал и слушал и пытался понять – откуда, откуда в его груди взялись острое беспокойство и тягучее болезненное волнение?

Две морщины на лбу перечеркнула третья.

Фадеев положил руку на стол ладонью вниз и еле заметно улыбнулся. Он уже знал – присутствие на съемочной площадке навязанной ему актрисы не будет его раздражать... Первый раз не будет раздражать.

– ...Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Глава 6

Обухом по голове

– ...а потом ввалилась толпа друзей-приятелей, и у меня заложило уши от их хохота и визга. Одна девица даже вскочила на стул и, скандируя: «Розыгрыш! Розыгрыш!» – принялась выстукивать каблуками чечетку... очень творческая личность, по-видимому... – Зойка презрительно фыркнула и перевернула страницу глянцевого журнала. Она лежала на ковре и в подробностях пересказывала свалившееся на нее приключение. – Я-то уже со своей работой простилась, думала, нажалуются Кириллу Абрамовичу, мол, мы заказывали одно, а получили совсем другое – басню же я читать не стала, да и идиотку изображала только первые пять минут, а они ничего и не узнали. Наверное, к фадеевскому вагончику подошли в самый последний момент, когда я уже закончила производить впечатление на именитого режиссера. – Зойка вздохнула и добавила: – А я почти поверила, что это мой шанс... Эх...

– А дальше что было?

– Ничего, я отошла в уголок, забрала полушубок и ушла. Меня же Костик ждал – наш водитель, чего рассиживаться-то...

Договорившись с Зоей о вечерних посиделках, Таня купила торт, пакет грейпфрутового сока и ближе к ужину отправилась в гости. Ей не терпелось поведать о встрече с Барковым и хорошенько обсудить случившееся. Ситуация, мягко говоря, была нестандартной – числиться в должниках у будущего мужа главной врагини радости мало. Но, оценив Зойкино плачевное состояние, Таня отложила свой рассказ на потом и сбегала в магазин за бутылкой шампанского (денег оставалось все меньше и меньше...).

Теперь, немного опьянев, облопавшись тортом, они обе чувствовали себя гораздо лучше, и реальность не казалась уже такой неприятной.

– Я сначала очень расстроилась, – призналась Зойка, протягивая руку к блюду, на котором холмиком высились остатки безе, – а потом подумала: все у меня впереди, и я еще миллион проб пройду и много чего добыю. А Фадеев этот... локти кусать будет, что меня проворонил!

– Ага, – согласилась Таня, – не оценил твой талант вовремя, так пусть потом мучается и довольствуется второсортными актрисами.

– И ничего-то у него без меня не получится...

– И «Оскара» ему не видать.

– И будет он жить с вечным непокоем, точно ему чего-то не хватает, а где это взять – непонятно.

– И однажды он увидит тебя по телевизору и схватится за голову: «Почему же я ее тогда не пригласил на главную роль, почему не удержал!»

Зойка закрыла глаза, блаженно улыбнулась и счастливо выдохнула:

– Хорошо мы с тобой поговорили, правда? – Она перевернулась на спину и отправила в рот оставшийся кусочек безе.

– Я тебе тоже сейчас кое о чем поведаю, – сказала Таня, понимая, что настал тот исторический момент, когда и она может предьявить собственную трагедию. А предьявить ее хотелось уже очень сильно. – Помнишь, я тебе рассказывала о единственном неоплаченном счете?

– Угу, ты сегодня собиралась встречаться с каким-то мужиком.

– Ну, я и встретилась... только с другим...

Не жалея эмоций и красок, Таня вдохновенно выдала историю встречи с женихом Задольской. Зойка, позабыв о торте, слушала подругу, раскрыв рот. Она даже поднялась с ковра и села в кресло, а потом вскочила и заходила по комнате. Барков! Барков! Барков! Вот это да!

– Так что теперь я должна сто пятьдесят три тысячи человеку, с которым умудрилась поругаться уже два раза.

– А второй-то когда был?

– Да я ему в кабинете тоже пару ласковых слов сказала...

– Уф! – только и ответила Зойка.

Они посидели немного, помолчали, заново осозная ситуацию, выпили еще по бокалу шампанского (увы, по последнему), и... запиликал телефон. Таня взяла со стола свой мобильный, недовольно поморщилась, отмечая, что номер не знаком, и поднесла трубку к уху.

– Добрый вечер, Таня, это Барков.

– Кто?..

– Барков.

– А откуда у вас мой номер? – вместо приветствия изумленно спросила она.

– От Крылова Юрия Петровича – моего начальника отдела продаж.

– Но...

– Вы оставили ему свой номер на случай, если он не сможет с вами встретиться.

Таня зажмурилась, и на ее лице образовалась гримаса под названием «я пропала – люди добрые, сделайте же что-нибудь!» Зойка, быстро сориентировавшись, придвинулась ближе, наклонилась и пристроила ухо к мобильнику.

– Ах да, – ответила Таня, нервно соображая, что говорить и как себя вести.

– Вам удобно встретиться со мной завтра в двенадцать часов?

– Удобно... а зачем?

Он засмеялся – едко и, конечно же, противно, а затем насмешливо спросил:

– Вы полагаете, нам нечего обсудить?

О, им было что обсудить...

Через три минуты уже Таня нервно металась по комнате. Фиалки, выстроенные на окне в ряд, вздрагивали при каждом ее шаге, хрустальные висюльки на люстре покачивались от волнения.

– Я не пойму... это он позвонил? – все еще не веря, спросила Зойка.

– Он, – сокрушенно ответила Таня и остановилась. – А я так надеялась, что все обойдется!

Не обошлось.

* * *

Лучше бы он назначил встречу на раннее утро – на восемь часов или даже на семь. Теперь накручивай себя, дергайся и вообще... КАК ТАКОЕ МОГЛО ПРИКЛЮЧИТЬСЯ? Таня достала из холодильника два яйца и, взяв нож, с удовольствием сорвала на них злость. Хрясь! И на разогретой сковородке молниеносно зафырчала желтоглазая яичница.

– И так будет с каждым, – пообещала она всем своим врагам, глядя на разбитую опустевшую скорлупу.

Как же такое могло приключиться? И на что она надеялась? Вдруг он не знает ее фамилию, вдруг забыл имя, а начальник отдела продаж закрутился и махнул рукой на владелицу «Рыжей осени»: не пришла – ну и не надо, потом придет... Ирка не должна была вдаваться в подробности чужой биографии, а если и рассказала что-то, то у Баркова это тут же вылетело из головы...

Можно придумать целую кучу успокоительных аргументов, и она их добросовестно придумала, и что теперь...

Таня посмотрела на часы – пора собираться на встречу.

Нет, она не будет ни о чем просить жениха Задольской (обойдется!) – выслушает его и пойдет домой. Ага, пойдет домой.

А деньги?

А денег нет... Ну не посадит же он ее в тюрьму?!

– Ничего страшного, – кивнула она, накалывая на вилку последний яркий кусочек яичницы.

Стеклянные двери, охранник, ступеньки... Уже другая секретарша (понятное дело, кто же захочет работать с таким человеком) и нервная дрожь внутри. Здравствуйте, а вот и я...

Дорога для Тани пролетела незаметно – мысли заняты предстоящей встречей, и отвлекаться ни на что другое нет ни сил, ни желания. Гулкое метро, солнечная погода, первые знаки приближающегося Нового года (редко, но все же стали встречаться мишура и гирлянды) воспринимались как смазанная, не приносящая радости картинка.

– Вы заходите, – засветилась доброжелательностью конопатая секретарша, как только Таня перешагнула порог первой комнаты, – вы же Семенова Татьяна Дмитриевна? Он вас ждет. Уже спрашивал.

Не терпится ему! И чего спрашивать – двенадцать часов десять минут – она почти не опоздала (ужасный общественный транспорт, ходит, как ему вздумается!).

Таня зашла в кабинет и сразу же натолкнулась на его ироничную улыбку. Обидно, знает же про ее проблемы... Гад!

Сформулировав про себя все, что она думает о Павле Сергеевиче Баркове, Таня почувствовала значительное облегчение – стало спокойнее и как-то приятнее. Усевшись за длинный стол переговоров, пристроив вещи на соседнем стуле, она поздоровалась и затихла. Пусть сам ведет разговор, пусть озвучит свои требования или предложит что-нибудь дельное... напимер, где ей взять эти чертовы деньги, чтобы вернуть долг!

– Я уж думал, мы с вами, Татьяна Дмитриевна, больше не встретимся.

– Я, признаться, тоже на это очень надеялась.

Необходимо держать себя в руках и по возможности не хамить.

– Но жизнь непростая штука.

«Давайте без этих витиеватых заходов!»

– Согласна, – кивнула Таня.

– Не будем ходить вокруг да около...

– Не будем.

– Ресторан «Рыжая осень», владелицей которого вы являетесь, должен моей фирме сто пятьдесят три тысячи рублей... – размеренно начал Барков.

«Тоже мне новость», – зло подумала Таня.

– ...и меня, как человека любопытного, очень интересует, в какой срок вы намерены погасить эту – уже просроченную – задолженность?

«Ну... может, через полгода... через год... О чем вы вообще говорите? У меня в кошельке осталось всего две тысячи самых обыкновенных рублей! А мне еще надо найти работу и через месяц получить зарплату! И вы не единственный человек, которому я должна».

– Э...э... – ответила Таня.

– Извините, не расслышал? Кстати, а почему в прошлый раз вы не захотели обсуждать со мной данную проблему?

«Да потому что вы, многоуважаемый Павел Сергеевич, являетесь женихом Задольской, потому что вы вызываете у меня глобальное раздражение и потому что я оторвала вам карман!»

– Как-то к слову не пришлось, – расплывчато ответила Таня.

– Я так и подумал. Так как насчет сроков?

Он откинулся на спинку кресла и прищурился. Ну что, попалась?..

Павлу Сергеевичу Баркову в этом году исполнилось тридцать восемь лет. Он уже давно, как выражаются в народе, «нагулялся» и последние два года подумывал о семейном очаге с красавицей женой и двумя очаровательными детьми. Нет, специально он не подыскивал ту единственную и неповторимую, которую можно пригласить в ЗАГС, – он просто поставил в голове жирную галочку под названием «надо» и теперь оценивал окружающую действительность несколько иначе.

Женщины, попадающие в разряд временных, перестали его интересовать. Совсем перестали. И эти изменения были приняты настолько естественно, что однажды, осознав данный факт, он очень удивился. «Может, это и есть старость?» – усмехнулся Павел, отворачиваясь от приятной девушки, сидящей за соседним столиком в ресторане. Она поглядывала на него, наматывала на палец светлый локон, улыбалась и никак не цепляла сердце. А без этого маленького пункта дальнейшее больше не казалось заманчивым.

Долгие месяцы он плыл по течению, надеясь, что рано или поздно ему повезет. Пару раз казалось – вот оно! Но увы, увы, увы...

Ирина произвела на него очень сильное впечатление, но не на сцене, а чуть позже – в ресторане. Немного уставшая, роскошная, непрístupная. Она как-то сразу расположила к себе, притянула. Даже частые капризы воспринимались как нечто приятное и рождали в душе возрастающее желание опекать и заботиться. И первый раз Павел задумался о предложении руки и сердца, и эта мысль очень быстро и гармонично легла на душу. Да. Вот он и нашел ЕЕ.

Всю предсвадебную суету он взвалил на Ирину – ей приятно, да и женщины в подобных вещах разбираются лучше. И осталось совсем немного до торжественной музыки, до высоких тяжелых дверей ЗАГСа и до вопроса «согласны ли вы?..». Согласен.

И что особенно важно – ни разу не возникло сомнения, а правильно ли он поступает? Действительно – важно, точно судьба оказалась благосклонна и закрыла глаза на его прежние пролеты и на его непостоянство, характерное по молодости. Наверное, это и есть счастье – быть уверенным в собственном выборе...

– Я полагаю, – старательно добавляя голосу твердости, наконец-то произнесла Таня, – что смогу вернуть деньги в течение полугода.

– Меня это не устраивает.

– А сколько вы готовы ждать?

Она немного подалась вперед и чуть закусилла нижнюю губу. Все это ужасно неприятно, и ее гордость трещит по швам, но пусть, пусть он обозначит срок в пять месяцев или хотя бы в четыре.

– Нисколько, – ровно ответил Павел. – Мне нужны деньги сейчас.

– Но... – Таня захлебнулась негодованием и продолжить не смогла. Какой же душой она была, что все-таки надеялась... Надеялась! Терпела его ухмылочки, практически унизила себя и...

– Товар необходимо оплатить в течение двух дней, иначе мы с вами, Татьяна Дмитриевна, встретимся в суде. У меня отличная команда юристов, и лично я тратить свое время на этот вопрос больше не буду.

«Оплатить товар... раковины, плитка, смесители... Ах ты... Ах ты Король Унитазов! Воспользовался ситуацией и осуществил свою маленькую гадкую месть! Хотя какая же она маленькая, если следующая наша встреча, по всей видимости, состоится в суде... наверное, будут описывать имущество...»

– Вы поступаете бесчестно! – выпалила Таня.

– Опять собираетесь учить меня правилам хорошего поведения?

– Да, собираюсь, если никто не удосужился этого сделать раньше!

– Почему вы всегда считаете меня виноватым? – Он делано изумленно приподнял бровь. – Разве я заставлял вас покупать дорогие раковины? Способствовал вашему банкротству? Разве я пустил «Рыжую осень» с молотка?

Что?.. Таня вскочила и проткнула Баркова гневным взглядом. О! Он действительно ее ждал... подготовился! Навел справки – не поленился! Но к чему же столько усилий? К чему? Конечно, она была с ним резка, и Ирка Задольская ее ненавидит, но это же не повод отправлять ее в долговую яму? Не повод!

– Давайте с вами договоримся, – взяв себя в руки, выдавила Таня. – Я верну долг через четыре месяца, и на этом мы с вами чудесно расстанемся.

Барков медленно поднялся из-за стола и холодно ответил:

– Нет, – а затем добавил: – Но я готов помочь в решении этой проблемы.

Встреча одноклассников Ирины запомнилась ему вкусным шашлыком, ненавязчивой атмосферой и шумным инцидентом, закончившимся оторванным карманом на его рубашке. Он снисходительно относился ко многим вещам, и этот небольшой скандал тоже пролетел мимо. Но Семенова Татьяна еще раз появилась в его жизни и устроила еще один скандал. *«Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что оторвала только один карман на вашей рубашке»*. А потом всплыл неоплаченный счет...

Нет, он не обиделся – это было бы нелепо, глупо и смешно, но до чего же захотелось проучить дерзкую девушку Таню. А может, и не проучить, а немного развлечься...

Разум подсказывал – да забудь ты все, деньги «по дружбе» прости, и пусть идет своей дорогой... но темные стороны души уже накрывали на стол, готовясь к пиршеству личной победы. Нет, он не отпустит ее так скоро. Не для того он навел справки о финансовом состоянии ее дел, не для того ждал этой встречи, представляя, как изменится выражение ее лица, когда он предложит «выход» из создавшегося положения...

Вы, Татьяна Дмитриевна, желали войны? Так получите приглашение на поле боя и чувствуйте себя здесь, как дома...

– И как именно вы хотите мне помочь? – ожидая подвоха, спросила Таня.

– Я обеспечу вас верным источником дохода, и только если вы примете мои условия, соглашусь растянуть погашение долга на довольно-таки длительное время. Выплаты будете производить частично и ежемесячно.

А он не такой уж и плохой... просто они не поняли друг друга, вот и все – с кем не бывает! «Верный источник дохода» – звучит хорошо и многообещающе. Таня дружелюбно улыбнулась и села на стул. Почему бы не поговорить о деле в спокойной обстановке?

– Я вас внимательно слушаю.

– Вы обратили внимание, что в приемной место секретаря занимает то одна девушка, то другая? Эти девушки из бухгалтерии – помогают по мере возможности, – он тоже сел и задержал взгляд на Тане. – Моя секретарша скоропостижно уволилась, и я предлагаю вам занять ее место. Зарплата – семнадцать с половиной тысяч рублей в месяц плюс бесплатные обеды, – произнося эти слова, он постарался сохранить серьезный тон. – Десять тысяч на жизнь, а остальное – мне, в качестве погашения долга. Чуть больше полутора лет, и вы на свободе с чистой совестью. Годится?

Таня молчала, но не потому, что ей нечего было сказать... Шок. ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ ШОК!

– Я так и знала... – прошипела она, – я так и знала, что вы – негодяй.

«Есть немного», – мысленно согласился Павел.

– Рекомендую вам хорошенько обдумать мое предложение. Не торопитесь с принятием решения.

Он еще и издевается! Таня издала еле слышный продолжительный стон. Раз, два, три, четыре, пять... Спокойствие, только спокойствие. Шесть, семь, восемь... Главное – никого не убить. Девять, десять, одиннадцать...

– Я возглавляла ресторан более пяти лет, у меня были: свой кабинет, машина, деньги... каждый понедельник я посещала салон и делала маникюр, педикюр, укладку, массаж и вообще – что хотела, то и делала! И вы наивно полагаете, что теперь я стану заваривать вам чай?

– Чай? Нет... я предпочитаю кофе.

– Иронизируйте сколько хотите, – Таня фыркнула и взяла куртку и сумку.

Происходящее вдруг показалось ей невыносимым абсурдом, и паника в душе пошла на убыль. Это безумие никогда не станет реальностью – она обязательно придумает какой-нибудь выход... какой угодно, но придумает.

– У вас есть два дня на оплату счета...

– Я это помню, – перебила Таня. – И не сомневайтесь – я его оплачу!

– Успехов вам в этом нелегком деле, – улыбнулся Барков. – Но если мечты так и останутся мечтами, – он сделал короткую паузу, – жду вас в понедельник в качестве секретаря. Рабочий день начинается в девять часов утра – попрошу без опозданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.